

Возможна ли философия без онтологии?

Огурцов А. П.

(1936-2014)

Аннотация: В статье А. П. Огурцова, написанной в конце 1970-х — начале 1980-х годов, обсуждается возможность или необходимость онтологии для философии. Автор полагает, что решающей тенденцией философии XX в. является антионтологическая тенденция, возникшая на фоне осознания хрупкости и неустойчивости человеческого бытия, опора исключительно на теорию познания. По его мнению, неприятие онтологии было связано с тем, что философия этого периода стремилась исходить из историчности человеческого бытия, превращенного во временной поток событий, с желанием превратить этот необъективируемый поток в исходный первопринцип. Проанализировав состояние философии XX в. с натуралистической трактовкой бытия, категориальными схемами познавательного отношения субъекта к объекту, полагавшихся исключительно на рационалистическое обоснование, он приходит к обоснованию возможности онтологии, понятой через осмысление актов объективации сознания, через связь психически-душевных актов и мира объективно-идеальных смыслов, опираясь, в частности, на философию Хайдеггера, с одной стороны, и Маркса — с другой.

Ключевые слова: онтология, теория познания, бытие, психически-душевный акт, объективно-идеальный смысл, объективация сознания, натурализм, позитивизм, Гуссерль, Хайдеггер, Маркс.

К пятой годовщине со дня кончины А. П. Огурцова

У одного из создателей журнала Vox Александра Павловича Огурцова (14 сентября 1936 г. — 8 мая 2014 г.) остался большой и еще не вполне разобранный архив. Свои бумаги он сам собрал в несколько стандартных картонных папок, где наряду с машинописными статьями, как правило, в нескольких экземплярах (тот, что обычно сдавался в редакции и на что был получен отзыв редактора, соседствует с исправленным от руки экземпляром и еще одним — начисто перепечатанным), лежат рукописные заметки, рефераты прочитанных книг, списки литературы, которую он считал необходимой к прочтению. Эти списки — длинные и короткие, иногда на отдельном листке или библиографической карточке, где было начертано одно название. Листков со списками много, они, ясно, были необходимы, поскольку собирались и тщательно хранились. На первых вариантах плановых работ, как правило, рукописных, наложена резолюция заведующего сектором, необходимая для того, чтобы рукопись приняли в машбюро. Сейчас,

когда все работы исполняются на компьютере, эта процедура подготовки рукописи даже еще не для печати, а для обсуждения кажется громоздкой, многоэтапной и долгой. «С колес» ничто не шло, нужно было учесть замечания коллег, рецензентов. Как правило, это занимало много времени, и не факт, что продуманное и исполненное дойдет до публикации.

К предлагаемой в этом номере статье Александр Павлович возвращался не раз, и, судя по значительной правке перепечатанного текста, относился к ней серьезно, считая острым и насущным вопрос об онтологии. Статья, судя по ссылкам на литературу, написана в конце 1970-х — начале 1980-х годов. На это указывает и еще сохранявшаяся и устоявшаяся терминология, употребляющаяся в ней, вроде «буржуазной философии», благо что ничего негативного в этой работе термин не нес. Впоследствии он не раз возвращался к этой теме, будучи одним из ответственных редакторов (вместе с В. М. Розиным) сборника «Наука: от методологии к онтологии», изданного в Институте философии РАН в 2009 году, где была опубликована его статья «От методологии истории к метафизике истории» в разделе, посвященном постижению истории — от методологии к онтологии. Александр Павлович был инициатором изданий нескольких сборников, помимо упомянутого, посвященных методологии науки, проблемно связанных с историей и онтологией. В 2003 году была опубликована книга «Методология науки: проблемы и история», в 2005-м — «Методология науки: статус и программы», в 2007-м — «Методология науки: исследовательские программы» (где ответственным редактором был не он, но делалась книга с оглядкой на него, тем более что она была посвящена 70-летию со дня его рождения), в 2012 году — «Методология науки и антропология», где Александр Павлович был ответственным редактором вместе с О. И. Генисаретским. Так что путь от первоначального вопроса о возможности для философии обходиться без онтологии был длинным. Последней была его статья «Что такое онтология?», опубликованная в журнале *Вох* и включенная в нашу совместную книгу «Онтология процесса» (М.: Голос, 2014), вышедшую уже после его смерти. Внимательный читатель легко сможет проследить меняющуюся траекторию мысли Александра Павловича относительно предмета его философского внимания. Так, в этой статье он подчеркивает «прорыв сознания к бытию» и «открытие бытия для сознания» как два взаимных бесконечных процесса, их незавершенность и открытость. В главе «Что такое онтология?» в конце знак вопроса оставлен не случайно: это след первой, сейчас публикуемой, статьи, где, собственно, прослеживается методология в его понимании как метода пошагового, медленного анализа проблемы, пути, не боящегося отступить и увидеть, как

при этом мир, качнувшись влево, может качнуться вправо, и как логосного осмысления этого пути, понимания необходимости поворотов, смен углов зрения, ментальных разрывов.

*Сохранились замечания редактора к этой первоначальной статье. Редактора не устраивало «неоправданное» (подчеркнуто в оригинале), на его взгляд, «употребление специальной терминологии и иностранных слов», ибо «книга предназначена не для специалистов, а для широкого читателя». К сожалению, не удалось узнать, что это за книга, но, видимо, из-за такой предназначенности статья осталась жить в столе, в папке. Да и реакция на замечания редактора явно была не ожидаемой. Так, Александр Павлович не стал выправлять выражения «лишенность его (человека) почвы, на которой только и может произрастать его бытие как личности» или «изначальный онтологический импульс», «слой подлинного бытия», которые редактору показались «крайне неотчетливо» выраженной мыслью, но поставил некоторые слова в позицию, более подходящую для понимания. Он всегда шел навстречу пониманию, если видел выход к нему. Здесь же возникала и необходимость объяснения: если для воспитанной в марксистском духе мысли феноменология Э. Гуссерля была известна, его «Логические исследования» были переведены и изданы в России в 1909 году, то фундаментальная онтология М. Хайдеггера была известна редким философам, хотя с позицией Хайдеггера знакомили, а иногда и полемизировали П. П. Гайденок, М. К. Петров и А. П. Огурцов¹. Александр Павлович писал о нем в пятитомной «Философской энциклопедии» (1960–1970 гг.), сравнивая понятия «отчужденного бытия» у Н. А. Бердяева и Хайдеггера, ссылаясь на *Sein und Zeit*, на еще не переведенную книгу «Бытие и время». На немецкое издание ссылается Александр Павлович и в публикуемой статье, уже используя его язык, непонятный и непривычный редактору готовившейся книги.*

Надеемся, что открытость, сопровождавшая жизнь Александра Павловича, окажется заметной читателю — вопрос о том, возможна ли философия без онтологии в условиях виртуализации мира, остается актуальным.

Вопрос, который вынесен в заголовок, очевидно, может быть понят по-разному, да и сам он имеет разный смысл. Прежде всего, он может быть понят как вопрос о том, возможно ли философское учение без такой ее части, как учение о бытии? В этом случае явно или неявно подразумевается определенная структура философского знания (гносеология, методология, натурфилософия, антропология и пр.), причем онтология

¹ См. об этом: Философ и наука. Александр Павлович Огурцов. М.: Голос, 2016. С. 58–63.

оказывается компонентом² философии как знания о *чем-то* (о бытии, о знании, о методах и пр.).

Этот же вопрос может быть сформулирован иначе: возможна ли философия, которая не задается онтологическими вопросами, не решает «бытийственных» проблем, избегает их, выносит их за скобки своих размышлений? Постараемся ответить на каждый из этих вопросов.

1. Антионтологическая линия в современной философии и ее особенности

И на первый, и на второй, казалось бы, легко ответить: существовали и существуют философские построения, замыкающие философию в границах гносеологии, методологии и антропологии. Более того. Одна из очевидных тенденций философии XX в. — тенденция антионтологическая. Дело не просто в критике онтологии (она началась с Канта, хотя он строит онтологию «практического разума»), дело в одной из существенных установок современной философии, которая, осознав зыбкость, хрупкость и неустойчивость человеческого бытия, уже не может и не хочет искать устойчивые структуры ни в чем и растворяет их в спонтанных, произвольных актах сознания. Неприятие онтологии связано с тем, что нами было названо тенденцией актуализма в современной философии³.

Эта тенденция находит свое выражение в вынесении за скобки предметной направленности деятельности, в акценте на чистом потоке активности, превращенной в спонтанный порыв, в противопоставлении творчества и объективации, в отождествлении объективации с отчуждением, в отказе от анализа деятельности, объективируемой в своих результатах, в превращении ее в незавершаемый поток духовно-душевной жизни, не отлагаемый в чем-либо ином.

Антионтологическая тенденция в современной философии воплотилась в ряде идейных и идеологических процессов, в частности, в изменении характера философии. Философия существенно изменила свое отношение и свои функции относительно науки. Из натурфилософии она стала преимущественно гносеологией и методологией. Этот сдвиг привел не столько к исчезновению спекулятивных конструкций в «философии естествознания», сколько к существенным метаморфозам в отношении философии и науки. Если раньше философия стремилась построить философское учение о бытии (причем надо подчеркнуть, что натурфилософия, или учение о природном бытии, была лишь частью более широкого учения о бытии, включавшего в себя социальную философию, антропологию, философию истории и т. д.), исходя из существующих частных теорий и принципов, универсализируя их и переосмысливая их с философской точки зрения, то ныне положение дел изменилось. Если раньше философия стремилась дать целостное постижение бытия, в том числе и природы, и тем самым она либо прямо, либо косвенно — в своих фантастических и спекулятивных моментах указывала пределы и слабые места наличных теорий, то в XX в. философия сознательно сузила свои задачи

2 Певка А. П. Огурцова в одном из вариантов статьи: вместо «компонентом» — «частью, ядром, сущностью всей философии».

3 Огурцов А. П. От принципа к парадигме деятельности // Эргономика. Труды ВНИИТЭ. М., 1976. Вып. 10.

методологическим анализом научного знания и логико-лингвистическим изучением языка науки. И еще вопрос, кто более не критичен по отношению к науке — прежняя натурфилософия, исходившая из идеи целостности природы и предполагавшая возможность и необходимость целостно-философского постижения природы, т. е. более высокого и по уровню обобщения, и по характеру рефлексии типа знания, или же современная философия науки, принимающая результаты и методы наук и стремящаяся лишь очистить знание от «метафизических вкраплений».

Изменилось отношение философии не только к естествознанию, но и к исторической науке. Философия истории из размышления о смысле истории, историчности человеческого бытия, типах культуры и социально-историческом развитии превратилась, особенно в американской философии, в философию исторической науки. Ее основной интерес заключается теперь не в проблемах исторического бытия, а в проблемах методологии исторического знания, в анализе способов построения теории, методов проверки исторических обобщений. В центре внимания оказывается реконструкция деятельности историка (роли эмпирических фактов, характера исторического повествования, способов доказательства и обоснования выдвигаемых утверждений и пр.).

2. Антионтологическая линия в философии и особенности науки

Эти сдвиги в самоопределении философии и в трактовке ее отношения с наукой совпадают с общей линией в развитии современной науки, с тем, что было названо Э. Г. Юдиным «методологизмом» современного научного сознания⁴. Эта особенность находит свое выражение прежде всего в том, что все больший вес в составе научно-теоретического знания занимают методологические и методические вопросы, изучение методов построения теорий, способов интерпретации научных теорий и пр. Само собой разумеется, что методологизм как определенная познавательная ориентация влечет за собой негативное отношение ко всякого рода вопросам о бытии и к онтологии в целом, отождествляемой со спекулятивной натурфилософией и схоластической метафизикой. Подобное сужение горизонта философии, когда философия понимается лишь как теория науки, приводит к тому, что бытие науки оказывается не проблематичным. Поэтому вопрос о смысле, границах и возможности науки вообще не становится предметом философского изучения, а в качестве чего-то самообоснованного и самодостаточного принимаются нерелективные установки обыденного сознания ученых. Между тем, в наши дни бытие науки оказалось проблематичным, о чем свидетельствует и кризис оснований целых отраслей научного знания, и кризис ее отношений с социальными институтами (промышленностью, властью и пр.), и многообразные варианты «гуманитаризации» науки, предложенные даже в рамках буржуазного сознания.

Антионтологическая линия в современной философии связана с еще одной особенностью науки XX в. — с превознесением редукционизма как единственно правомочной методологической ориентации науки. Такой подход не позволяет выявить качественные отличия одного уровня бытия от другого, понять особенность и цель

4 Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности. М., 1978. С. 9–11.

каждого из уровней бытия, а тем более осмыслить целостность бытия. Сама идея целостности природы старательно вытравливалась из сознания ученых как натурфилософская и метафизическая. И все же многие значимые научные результаты XX в. так или иначе исходили из регулятивной идеи целостности природы. Можно напомнить теоретико-инвариантный подход в физике, учение о биосфере В. И. Вернадского, теорию биологического поля А. Г. Гурвича и др.

3. Социальные истоки критики онтологии

Неприятие онтологии, характерное для всех феноменалистских концепций в философии, можно объяснить, по моему мнению, изменившимися условиями человеческого существования в XX в. И хотя в различных философских направлениях эти изменения носят разные философские «ярлыки» (отчуждение, бездомность, аномия и т. д.), однако существенно то, что в них представлено сознание неукорененности современного человека в бытии, лишенности его той почвы, на которой только и может «произрастать» его бытие как личности. XX век обнаружил античеловеческую сущность «эрзацев» бытия, тех «суррогатов коллективности», о которых говорили основоположники марксизма⁵, многообразных попыток обрести почву в мифах, в транснациональных социально-политических утопиях.

Деонтологизация философии и гальванизация мифа как способа «обретения» человеком своего бытия (вспомним Ж. Сореля с его культом «пролетарского мифа», А. Розенберга с расистским мифом о германской расе) — две стороны одной медали. Это «плата» за физикалистское, узко натуралистическое понимание бытия, за «обездухотворенность» бытия, характерное для философии рубежа XIX — начала XX в. Натуралистические варианты онтологии исходили из противопоставления мышления и бытия, из трактовки бытия как предметно сущего, предданного, предсуществующего, лишь материального, вещественного, сопротивляющегося человеческой воле и сознанию. Если бытие отождествлялось с «вещной» реальностью, если сознание и дух исключались из бытия, рассматривались как нечто пластическое, не имеющее ценности само по себе, просто как дырка от бублика, то неизбежен следующий шаг, когда человек отождествляет себя с «мнимой коллективностью»⁶, с мнимым бытием — мифом, утопией и пр.

4. Критика онтологии и натуралистическая трактовка бытия

Антионтологические течения в современной философии фактически принимают ту концепцию бытия и ту интерпретацию онтологии, которая была присуща философии Нового времени, особенно эпохи Просвещения, но оценивают ее с обратным знаком. То, что считалось в метафизике Нового времени положительным и приемлемым, ныне оценивается критиками онтологии отрицательно и считается неприемлемым. Исходные же определения и расчленения сохраняются. Для новоевропейской онтологии бытие — это предметно сущее, нечто противостоящее и предстоящее знанию, мышлению. Противопоставление мышления и бытия, реальности и знания приводило к тому, что

5 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 75.

6 Там же.

бытие ограничивается природной реальностью, а духовный мир статусом бытия не обладал. Он был лишь феномен психики. Бытие, понятое как бездуховная материя, дробилось на мир естественных тел или вещей, они в свою очередь — на качества и свойства, для объединения которых необходимо было ввести категории «субстанции», «субстрата», «сущности», лежащие по ту сторону изменчивых явлений и выражающих подлинное бытие. Даже в тех «онтологических построениях», где мышление человека онтологично, поскольку оно открывает бытие (таков, например, статус *cogito* у Декарта, монады у Лейбница), многостороннее бытие человека редуцируется к его мышлению, а сам человек — лишь к субъекту познания. Иными словами, в новоевропейской онтологии исходным было противопоставление объекта и субъекта, субстанции протяженной и субстанции мыслящей, а все бытие человека было сведено к познавательному отношению⁷.

В основании онтологии нового времени, особенно эпохи Просвещения, лежала категориальная схема познавательного отношения субъекта к объекту. Но с этой категориальной схемой и связана бедность логико-аналитических расчленений и определений бытия, ведь бытие определяется сугубо негативно — как то, что предстоит мышлению, рассматривается под натуралистическим углом зрения, для которого характерно стремление вытравить все субъективные моменты из знания, понять мир сам по себе, его естественный ход развития и взаимоотношение вещей самих по себе. Эта трактовка бытия сохраняется вплоть до XIX в., а в некоторых течениях и в настоящее время, и ее нетрудно уловить в тех определениях бытия, которые даются в разных философских направлениях (наличного бытия, для-себя-бытия, инертной материи, реальности и т. д.).

5. Рационалистическое обоснование как исходный принцип натуралистической онтологии

Категориальная схема онтологии Нового времени была фундаменталистской — она была движима стремлением найти для философии твердое и надежное основание. Согласно этому принципу в составе знания вычленилось два уровня — уровень проблематичный, необоснованный, и уровень, требующий обоснования. Учение о бытии внутри философии выполняло функции обосновывающей инстанции, к которой так или иначе редуцировалось знание, требующее обоснования. Критика фундаменталистских концепций, развернувшаяся в так называемом «критическом рационализме», выявила реальные трудности онтологического обоснования знания и прежних натуралистических вариантов онтологии. В этой критике было показано, что процедура обоснования приводит к регрессу в бесконечность, поскольку основание требует своего обоснования и т. д., процесс обоснования должен быть искусственно оборван на некоторой инстанции, которая сама уже не может быть обоснована. Тем самым онтология Нового времени замыкалась в некоей абсолютной инстанции, оказывающейся гарантом и процедуры обоснования, и предлагаемого в той или иной концепции основания.

⁷ В упомянутом варианте статьи вместо «к познавательному отношению» написано «к познанию, где мысль и предмет — два разных члена отношения».

В ходе развернутой в философии критики онтологии был поставлен вопрос о том, возможно ли построить учение о бытии, если его исходная категория — «бытие» — в принципе неопределима и не поддается экспликации, так как связка в определении говорит о существовании, о бытии. Кризис онтологии может быть, по-нашему мнению, понят не только как кризис натуралистических вариантов онтологии, но и как крушение прежних попыток определить «бытие» логически и рационально, построить учение о бытии, исходя из интерпретации бытия, данного в знании, из сугубо гносеологической трактовки и философии и отношений человека к миру. Судьба всех попыток построить философское учение о бытии продемонстрирована бедностью тех определений бытия, которые дает Гегель в «Науке логики». Гегель, пытавшийся построить логическое учение о бытии, вынужден определять бытие как абсолютно неопределенное и непосредственное, как то, что определяется по отношению к чему-то другому — мышлению, как нечто бескачественное, но все же лежащее в основании всех дальнейших категорий логики, именно потому, что Гегель свел человеческое бытие к одной размерности — размерности рационально-логической мысли, всю полноту человеческого бытия — к самосознанию, именно поэтому определения бытия оказались крайне бедными и по сути дела негативными. И эта негативная трактовка бытия оказывается общей линией всей онтологии Нового времени, отождествлявшей бытие с сопротивляющейся человеческой активности природой, с материально инертным, вещественным, ограничивающим лишь субъективный произвол и человеческую свободу.

6. Как же возможна онтология? Онтология как осмысление актов объективации сознания

Если подвести предварительный итог, то, по нашему мнению, онтология, понимаемая как учение о бытии, невозможна. И невозможна она по ряду причин, прежде всего потому, что исходная категория не поддается категориальному определению, а любые попытки ее определения ведут к тавтологиям и логическому кругу. Кроме того, все такого рода варианты построения онтологии связаны с допущением некоей абсолютной инстанции — гомогенного опыта, абсолютного субъекта, принимавшего в истории философии различные формы — трансцендентального сознания, абсолютного духа чистого Я и пр. Помимо этого, так понятая онтология должна в своем систематическом развертывании притязать на воссоздание системы бытия как такового, т. е. быть мировой схематикой. Натуралистические варианты онтологии не могут допустить «бесструктурность» бытия.

Но все же без обращения к бытию философия, философское сознание невозможно. Существует как будто изначальный «онтологический импульс» и в самом человеке, и в его размышляющем и вопрошающем сознании. Этот «онтологический импульс» находит свое выражение в том, что человек постоянно задает вопрос о смысле своего бытия, стремится перенести на объективную реальность свои построения, пытается увидеть многослойность бытия, за текучим, изменчивым — нечто устойчивое, инвариантное, тем самым расщепить бытие на «подлинное» и «мнимое», раскрыть суть «подлинного» бытия, которое определялось в истории философии по-разному — либо как мир математических объектов, либо как мир сущностей, как субстанция, как жизнедеятельность и т. д. Человек не может не уяснять свое место в космосе, характер его

бытия в мире. Без этого невозможна философия, да и просто сознательное человеческое существование.

Любой акт человеческого сознания, мысли, воли, речи, эмоции онтологичен, ибо он направлен на бытие, и обладает, будучи объективируемым, бытием не только для данного, но и для другого человека. Тем самым онтология возможна как уяснение актов онтологизации, т. е. объективации сознания и субъективации объективного как непрерывный переход от одного шага к другому. Акты онтологизации — это прорыв сознания к бытию, с одной стороны, и открытие бытия для сознания — с другой. Причем важно постоянно сознавать бесконечность этого процесса, незавершенность, открытость его в каждом шаге.

Исходный диалектико-материалистический принцип направленности сознания на бытие и идея целостности бытия имеют в таком случае не конститутивное, а регулятивное значение. Естественно, что акты онтологизации социально-исторически и культурно обусловлены, принимают исторически конкретную форму, поскольку конкретно-историчны и бытие, и сознание. Тем самым вопрос о возможности онтологии ставится в марксизме в иной плоскости, чем в домарксистской философии, а именно переносится в план исторических интерпретаций человеком собственного бытия, интерпретаций, включенных в бытие и являющихся дериватом (т. е. чем-то производным) социально-культурного бытия. Онтология из учения о бытии, которое притязает на незаинтересованное, абсолютное знание внеположного бытия как такового, превращается в осмысление жизнедеятельности человека, т. е. в способ истолкования человеком своего бытия, причем это истолкование оказывается важнейшим моментом бытия, средством сознательного регулирования и определения человеком своего бытия. Известная мысль Маркса о том, что сознание есть не что иное, как осознанное бытие, раскрывает не только изначальную направленность сознания на бытие, но и постоянную сопряженность сознания с бытием. Иначе говоря, она выявляет то, что бытие всегда осознанно, а феномены сознания, будучи объективируемы, обладают независимым от индивидуальной психики объективно-идеальным смыслом и значением. Эта мысль Маркса обращает внимание на тот «онтологический импульс», который присущ познающим и самосознающим существам, на вовлеченность сознания в бытие, на невозможность внеситуативного, отстраненного, надисторического определения бытия.

Каждый из нас является не просто зрителем драмы истории, но и ее непосредственным актером, вовлеченным в историческое бытие и ответственным за него. Эта мысль, которую любил повторять Маркс, позволяет понять, каким же образом трансформируются «онтологические проблемы» в марксизме. Из учения о бытии, из некоей «мировой схематики» онтология превращается в исторически конкретное осмысление человеком своего бытия, в осмысление, составляющее неразрывную часть этого бытия, в способ уяснения объективного существования феноменов сознания (от мифа до утопий, от идеологий до теоретических конструкций), в фиксацию исторически определенных механизмов коррекции духовно-мыслительных образований с наличной социально-исторической действительностью, в интерпретацию объективного содержания сознательных, интеллектуальных, осознанно-теоретических действий, отлагающихся в некоторых общезначимых результатах и воплощающихся в действительности. Но тем самым предполагается расширенная трактовка бытия, включение в него как объективно-

идеального бытия в качестве одного из существенных слоев, так и бытия личности, обеспечивающей процесс самопознания, коррекции и уяснения, осуществляющей рефлексивную, критическую и объективирующую деятельность.

7. Марксизм и расширение понятия «бытие»

Одно из выдающихся достижений марксизма — более широкое понимание бытия, чем в домарксистской философии, критика им узко натуралистической трактовки бытия (в учении о товарном фетишизме) и отстаивание объективно-идеального значения результатов «духовного производства». Благодаря марксизму в бытии были выявлены несводимые друг к другу уровни — природная реальность, мир душевно-духовных актов, мир объективно-идеальных смыслов (идеальных объектов теории, категорий, принципов, ценностей), социокультурный мир, воплощающий в продуктах и средствах труда, в языке, в символах общезначимые смыслы, и, наконец, личность как средоточие бытия и узел, связующий воедино многослойное бытие.

Эта идея многоуровневости бытия не учитывается теми, кто интерпретирует марксистскую философию как учение о материи либо как социальную онтологию, т. е. как учение об общественном бытии (Г. Лукач и др.). В первом случае неумолимо отрывают диалектику от логики и теории познания и возрождают докантовские варианты онтологии, во втором случае марксизм превращается в вариант социологизма, который вообще, элиминируя природную реальность, ведет к социоморфизму в трактовке бытия, к отказу от уяснения физических, антропологических, психических и личностных факторов в историческом процессе.

8. Расширение понятия «бытие» в буржуазной философии XX в.

В современной буржуазной философии осознается не только ограниченность натуралистической онтологии, но и предприняты попытки нового понимания онтологии. И они заслуживают пристального изучения. Эта линия была начата Э. Гуссерлем, для которого онтология — это изучение объективно-содержательных структур интенциональных актов сознания, выявление связей в объективно-идеальном мире смыслов сознания. Правда, для Гуссерля сознание во многом тождественно акту восприятия, созерцания. Но уже М. Шелер существенно расширяет понятия и «сознание» и «бытие», связывая сознание с эмоциональными переживаниями и оценками, а бытие — с миром ценностей. Поэтому для Шелера онтология не ограничивается выяснением объективного содержания созерцания, а предполагает осмысление эмоционально-ценностных актов и коррелятивных им объективно-идеальных ценностей. Как мы видим, это направление в буржуазной философии пыталось найти связь между двумя уровнями бытия — слоем психически-душевных актов и миром объективно-идеальных смыслов, оставляя, правда, без внимания другие уровни бытия. Эта линия была резюмирована в философии М. Хайдеггера, который считает, что необходимо исходить из дорефлексивного «бытия сознания», которое не тождественно ни созерцанию, ни эмоциональным переживаниям. Это скорее эмоционально-волевая, заинтересованно-практическая экзистенция. Поэтому и онтология не отождествляется им ни с онтологией теоретического созерцания, ни с онтологией эмоционально-ценностного бытия. Она представляет, по его словам, герменевтическое истолкование (аналитику) «бытия

сознания» во всей полноте его существования, фундамент которого Хайдеггер усматривал вначале в чувстве страха перед смертью, а позднее в естественном языке.

Развитие философии со второй половины XIX в. показывает, что философия не может избежать вопросов о бытии, понимаемом уже не натуралистически. Поэтому даже в составе тех концепций, которые настроены антионтологически, онтологические проблемы возникают и являются во многом стержнем этих философских построений. Онтологических проблем не удастся избежать даже при сугубо методологической работе. Так, при логико-методологическом анализе теории встают вопросы о роли физической картины мира в становлении и функционировании теории, при исследовании языка теории всплывает вопрос об общезначимом характере языка наблюдения или протокольного языка, об объективно-идеальном статусе конструкторов теории, об объективном смысле исследовательских операций и их соотносительности с предметом исследования. Позитивистский нигилизм относительно онтологии в конечном счете основывался на принятии определенной онтологии — атомарных фактов, естественного языка, правда, лишь позднее — в философии обыденного языка — было выявлено онтологическое значение естественного языка для теории.

Марксистски понятая онтология позволяет осмыслить и бытие сознания, и статус объективно-идеальных смыслов, полагаемых человеком в своей деятельности и в общении, и бытие человека в мире во всей полноте его форм. Основная трудность в построении марксистской онтологии заключается, по нашему мнению, в осознании взаимосвязей между различными уровнями бытия, в раскрытии фундаментального значения бытия личности, которая является и первоисточком самого вопроса о бытии.

Предисловие и подготовка текста д. ф. н. С. С. Неретиной, Институт философии РАН

Литература

Огурцов А. П. От принципа к парадигме деятельности // Труды ВНИИТЭ. 1976. Вып. 10.

Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности. М.: Наука, 1978. С. 9–11.

Heidegger M. Sein und Zeit. Tübingen, 1933.

References

Ogurtsov A. P. Ot prinzipa k paradigm deiatel'nosti [*From principles to paradigm of action*], in: Works of VNIITE // Труды ВНИИТЭ. 1976, Vol. 10. (In Russian.)

Iudin E. G. Sistemnij podhod i prinzip deiatel'nosti [*Systematic approach and principles of action*]. Moscow, Nauka Publ., 1978. (In Russian.)

Heidegger, M. Sein und Zeit. Tübingen, 1933.

Is philosophy possible without ontology?

Ogurtsov A. P.
(1936-2014)

Abstract: The article by A. P. Ogurtsov, written in the late 1970s — early 1980s, discusses the possibility or necessity of ontology for philosophy. The author believes that the decisive trend of the philosophy of the twentieth century is an anti-ontologic tendency, which arose against the background of the awareness of the fragility and instability of human existence. This philosophy is based solely on the theory of knowledge. In his opinion, the rejection of ontology was due to the fact that the philosophy of this period sought to proceed from the historicity of human existence, turned into a temporary flow of events, with a desire to turn this unobjectified flow into the original first principle. After analyzing the state of the philosophy of the twentieth century with the naturalistic interpretation of being, the categorical schemes of the subject's cognitive relation to the object, relying exclusively on rationalistic justification, he comes to justify the possibility of ontology, understood through the understanding of the acts of objectification of consciousness, through the connection of mental and spiritual acts and the world of objectively ideal meanings, relying, in particular, on the philosophy of Heidegger, on the one hand, and Marx, on the other.

Keywords: ontology, theory of knowledge, being, mental-spiritual act, objective-ideal meaning, objectification of consciousness, naturalism, positivism, Husserl, Heidegger, Marx.